

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРОБЕЖКА И ЗАПЛЫВ

Константинов давно отвык от своей фамилии. Теперь он звался Самураем. Прозвище его устраивало. Так он и жил самураем. Одиноким и верным своему собственному кодексу чести.

В полотенце, лежащем на скамье в двух шагах от него, был замотан пистолет с заблаговременно навинченным глушителем. Магазин был полон, хотя Самурай рассчитывал обойтись двумя или тремя выстрелами.

Время жать на спусковой крючок пока что не пришло. До появления объекта оставалось минут десять, так что Самурай продолжал разминаться на площадке с турником, брусьями и прочими примитивными спортивными снарядами. Упражняясь, он не усердствовал, чтобы не перенапрягать руку, которая не должна была дрогнуть в ответственный момент. Подтянувшись пару раз, он спрыгивал с турника и делал наклоны или приседания. Его боковое зрение было постоянно обращено в тот конец аллеи, откуда должен был появиться покойник. То, что этот человек пока что дышал и двигался, ничего не меняло. Для Самурая он был покойником.

Дело происходило в парке на берегу большого озера. Когда-то здесь был песчаный карьер, впоследствии наполнившийся водой. Поскольку озеро находилось в черте города, на краю обширного спального района, то часов с семи утра

сюда подтягивались собачники, любители кросса и спортивной ходьбы, а также пловцы и йоги с резиновыми ковриками. Сейчас же было для них рановато, так что Самурай разминаясь в гордом одиночестве.

Будущий покойник приезжал на пробежки всегда в одно и то же время, между двадцатью и двадцатью пятью минутами седьмого. Самурая он и его охранники уже видели несколько раз и успели привыкнуть к тому, что он отирается возле турника. Чтобы они не напрягались, он всегда появлялся в одних и тех же ярко-красных шортах, заметных издали. В первый раз они действовали на телохранителей, как красная тряпка на быка, а потом стали привычной деталью пейзажа. Так и было задумано.

Самурай никогда не пользовался снайперской винтовкой. Тому было много причин. Ну, например, торговцы боевым арсеналом в любой момент могли продать информацию о человеке, которому продали столь редкое оружие. Во-вторых, винтовки стоили больших денег, а их почти всегда нужно было бросать, чтобы не привлечь к себе внимание сумкой или чехлом. Это в кино киллеры безнаказанно расхаживают повсюду с элегантными кейсами и футлярами для виолончелей. В реальной жизни подобные атрибуты слишком бросаются в глаза. Имелись и другие профессиональные соображения, удерживавшие Самурая от применения снайперских винтовок, хотя главная состояла в том, что ему не нравилось убивать исподтишка. Идя на сближение с жертвой, он подвергал себя риску, и это в какой-то мере уравнивало их шансы. Ощущение опасности придавало его занятию особый, неповторимый вкус. Возможно, ради него Самурай и стал профессиональным убийцей. Не в полной мере, но отчасти это было верно.

Константинов никому и никогда не рассказывал, как и почему стал тем, кем стал. Теперь он был Самураем, а самураям не пристало выдавать свои секреты.

Посторонние видели в нем обычного человека, от которого не ждешь неприятностей. Женщины отмечали, что он хо-

рошо сложен и красив. Мужчины полагали, что уж слишком красив. Тех, кто принимал голубые глаза и густые ресницы Самурая за признак хрупкости и изнеженности, ожидал большой сюрприз, после которого их мнение менялось коренным образом. За приятной, слегка женственной внешностью скрывался жесткий и очень сильный характер, сломить который пока что не удавалось никому.

Физическая красота могла сильно осложнить жизнь Самурая, являясь запоминающейся приметой, поэтому он старался не оставлять свидетелей. Другой приметной деталью являлись черные, как вороново крыло, волосы, но зато, гладко зализывая их назад, удавалось добиться кардинального изменения внешности. Вторым излюбленным трюком Самурая было отпускание недельной щетины, которая делала его неузнаваемым. Гладко выбритый он выглядел лет на тридцать. Небритым мог сойти за сорокалетнего.

Готовясь к выполнению заказа, он выбрал более молодой и невинный образ, дабы не вызывать подозрений. Такой себе спортивный парень, качающий бицепсы и пресс, чтобы еще сильнее нравиться женскому полу. Можно ему только позавидовать. Или молча возненавидеть. Но никак не увидеть в нем беспощадного, безжалостного убийцу, на счету у которого горы трупов.

Увидев знакомую черную «Ауди», Самурай повис на турнике, сделал показательный переворот, а потом спрыгнул и стал вытирать лицо, держа полотенце таким образом, чтобы не показать спрятанного внутри полотенца. Мускулистый, загорелый, он являл собой воплощение здорового образа жизни, постоянных физических нагрузок и правильного питания. Все это должно было импонировать Жукову, уже записанному Самураем в покойники.

Покойный Жуков при жизни часто занимал деньги и редко отдавал долги. При своем процветающем медицинском бизнесе он мог бы давно отказаться от давней привычки и вести дела честно. Но не хотел. Ему нравилось «кидать» партнеров, конкурентов, да и вообще кого попало. Он любил

и умел войти в доверие, наобещать золотые горы, а потом разводить руками и сетовать на отсутствие денежных средств. Некоторые ждали годами. Нетерпеливые нанимали бандитов, не подозревая, что Жуков и сам является бандитом с давним и темным уголовным прошлым. *Кидняк* был его коньком. На кидняке сколотил он первоначальный капитал, кидняком не брезговал и теперь. Те, кто на него «наезжал», сами оказывались его должниками — их «разводили» по полной программе, ставили на счетчик, сажали на бутылки и знакомили с прочими оборотными сторонами предпринимательской медали.

Жуков этим наслаждался. Он был здоров, как бык, и собирался жить долго и счастливо. Беда его состояла в том, что слишком многих людей он обманул и обидел. Вот они-то и собрались укоротить Жукову жизнь. Для такой работы и был нанят Самурай.

Как обычно, машина высадила Жукова возле беговой дорожки и медленно покатила следом, выдерживая дистанцию в десять метров. Как обычно, Самурай снялся с места и побежал навстречу, продолжая утирать лицо краем зеленого махрового полотенца. Он тоже был человеком деловым и жил по определенному распорядку. Ничего удивительного. Жуков лишь покосился на него, разминаясь. Самурай едва удержался, чтобы не подмигнуть ему заговорщически. У них имелась одна общая тайна. Одному предстояло быть убитым, а второму — убить.

Пробежав мимо «Ауди», Самурай тотчас развернулся и повернул в обратном направлении. Он давно подметил, что телохранители, сопровождая хозяина в парке, держат оба передних окна открытыми. Тонированные стекла, видите ли, мешали им бдительно обозревать округу.

Эта бдительность их и подвела.

Догнавший машину Самурай уже держал пистолет за рукоятку. Часть ствола была все еще накрыта полотенцем, но дуло было открыто и направлено на первую цель.

Ею являлся охранник, сидевший на пассажирском сиденье. Чок! И пуля проломила обращенный к ней висок с редкой по-

рослью рыжеватого цвета. Там образовалось крохотное круглое отверстие, а с другой стороны выплеснулась кровь, и лицо водителя стало красным. Он снял руку с руля, намереваясь то ли утереться, то ли выхватить оружие, но не успел сделать ни того, ни другого. Пуля проломила ему череп над правой бровью. После этого телохранитель больше ничего не делал, а просто сидел мертвый, слегка покачиваясь, прежде чем сползти по спинке кресла вправо или влево.

«Ауди» медленно катила по дорожке за своим обладателем. Услышав за своей спиной громкие щелчки, он оглянулся и бежал с головой, повернутой назад. Так было недолго и упасть, что произошло, как только Самурай надавил на спусковой крючок в третий раз.

Чок! Для разнообразия выстрел был произведен Жукову куда-то в область сердца, а уж потом Самурай поравнялся с ним и добил. Секунды полторы покойник не сбавлял скорости, словно надеялся добежать куда-то. Куда? Зачем? Самурай не спросил, а Жуков не ответил. Оступился, споткнулся и упал: некрасиво, нелепо, беспорядочно, как никогда не падают в кино даже отрицательные герои. Всем хочется умереть красиво, пока они живы. Когда же приходит смерть, становится не до таких мелочей.

— Физкульт-привет, — сказал Самурай, на ходу завязывая полотенце с пистолетом в узел.

Добежав до берега, он, не снимая кроссовок, прыгнул в воду и поплыл, будоража зеркальную поверхность озера. Глубина его составляла тридцать метров, дно было песчаное, с множеством бьющих из-под земли ключей, так что никакие водолазы не смогли бы отыскать на дне утопленный пистолет, да и что бы это дало, учитывая стертые полотенцем отпечатки пальцев?

Доплыв до середины, Самурай сбросил кроссовки, а потом избавился от пистолета. Несколько раз он переворачивался в воде на спину, чтобы проследить за происходящим на берегу. Машина уже не ехала, а стояла, уткнувшись мордой в парковую скамейку. К лежащему на дорожке телу приближался